

10.06.2015, 15:24 Москва

ИНТЕРВЬЮ

Ирина Калмыкова: «Пускай они позорятся, сажают в тюрьму многодетных матерей»

Сегодня Следственное управление по Центральному административному округу Москвы должно предъявить обвинение по статье 212.1 УК (неоднократное нарушение порядка проведения уличных акций) гражданской активистке Ирине Калмыковой. Это четвертое уголовное дело по новой статье УК. Калмыковой грозит до пяти лет лишения свободы. Активистка рассказала ОВД-Инфо о своем участии в акциях протеста.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Вам прислали повестку в Следственный комитет?

— В субботу днем к моей маме в Когалыме (город в Ханты-Мансийском автономном округе — *ОВД-Инфо*) пришли следователи... Ну, не знаю, кто там был у нее, следователи или участковые — из полиции, короче. Спрашивали, где я нахожусь, где мой сын (младший ребенок Калмыковой — *ОВД-Инфо*), такие всякие вещи. А в понедельник с утра мне позвонила следователь. Представилась она Шульгиной Дарьей Дмитриевной из Следственного комитета и попросила меня прийти по поводу того, что против меня возбуждено уголовное дело по статье 212.1. Я сначала сказала, повестка мне нужна, туда-сюда, а потом подумала, что если я не приду, они в связи с тем, что у меня нет здесь регистрации, могут применить арест, так как я скрываюсь от следствия типа. Поэтому я решила пойти.

Встреча назначена на среду?

— На три часа. Она хотела прямо в понедельник, даже до десяти вечера соглашалась, чтобы я пришла, но я отказалась по причине того, что я не могла никак, я находилась на работе.

Они к вам приходили на квартиру, где вы прописаны? Зачем?

— Да-да-да. Не знаю, наверное, поступило требование меня найти. Я же не даю, когда меня задерживают, настоящий адрес. У них-то нет моих данных, где меня

искать. Я даю ложные адреса каждый раз. Вот они решили пойти к маме и узнать, где меня найти. Где находится ребенок, спрашивали, такие вещи. А так как мама не знает тоже, где я живу, она им не смогла этого сказать, даже если бы захотела.

Были подозрения, что это может произойти?

— У меня, конечно, были. Потому что у меня много задержаний и восьмую часть (часть 8 статьи 20.2 КоАП — повторное нарушение порядка проведения уличных акций — *ОВД-Инфо*) ко мне уже применяли трижды — я, правда, не знаю решений, так как я на суды не хожу. Это у меня есть [защитник «Общественного вердикта» Николай] Зборошенко, который все время обжалует, обжалует, не знаю даже про ихние результаты. Первый раз у меня восьмая часть была, — ой, даже не помню, — шестого мая нынешнего года, по-моему, меня задержали — первый раз восьмая часть была. Второй раз они мне написали восьмую часть за акцию «С Днем рождения, Надя» (в защиту Надежды Савченко — *ОВД-Инфо*) — я выходила с одиночным пикетом. И третий раз они мне написали восьмую часть, когда меня задержали на митинге предпринимателей. Во время того, как мы веревку намыливали мылом.

Вы решили на это не реагировать никак?

— А я никак не реагирую никогда, мне просто все равно. Ну, пускай они позорятся, что они задерживают и садят в тюрьму пенсионеров, многодетных матерей. Если они решили, что меня можно запугать, предоставить жилье именно таким образом, посадив меня в тюрьму, значит, это ихнее решение такое. Я молчать не буду, я ничего не нарушала, я выходила и выхожу только за то, что я знаю, за правду, за то, что я думаю. Поэтому отступить я не собираюсь, от своих слов отказываться не собираюсь, потому что мнение мое от того, что на меня возбудили дело, не изменится. Я привыкла говорить то, что думаю.

И молчать, когда у меня на своем опыте есть факты, что дети бездомные, что в стране вот этот Путин, беспредел, что садят невинных людей, а васильевы на свободе или получают отельные камеры со всеми удобствами — ну, молчать при этом я не считаю для себя возможным.

Какая реакция была у ваших друзей и родственников? Они ожидали чего-то подобного?

Ожидали, да. [Екатерина] Мальдон, вот, кричит: «Приезжай сюда (в Украину — *ОВД-Инфо*), бросай все это, Ира, зачем тебе это надо, езжай ко мне». Естественно, я никуда не могу поехать, потому что у меня есть вопросы здесь, которые я не могу решить, во-вторых, бежать не вижу смысла сейчас. Если уж я разочаровалась так, что уже ничего не добьемся, то хотя бы вернула бы то, что у меня незаконно забрали. Тогда бы я могла поехать: если мы ничего не добьемся, то хрен с вами, живите, как хотите, если вы такой народ. Но здесь, я уверена, не так уж много скотов, есть и нормальные люди, которые просто зомбирваны телевизором. Я уже не раз говорила, так как 90 процентов населения смотрят телевидение и их не переубедить, у них Украина — это фашисты, то лучше пытаться с ними разговаривать о том, что происходит в России и пытаться повернуть ихние головы на то, что творится в регионах, на больницы, на образование — может быть, таким образом они начнут что-то хотя бы защищать.

А как вы сами начали заниматься протестной деятельностью?

— Одиннадцать лет назад я же была предпринимателем, у меня был свой бизнес, ООО. И получился рейдерский захват, — это в Когалыме, где родина Собянина. И так как я занималась госзаказами, мне пытались вменить уголовное дело как экономическому преступнику, что я потом уже по судам доказала. Но дело в том, что мне сожгли дом. И мне пришлось остаться на улице — с тремя

детьми, в Сибири, мне даже не дали комнаты какой-то там в общежитии, просто бросили на улице, хотя сыну было два года. Я лет шесть-семь одна пыталась что-то делать, не зная, приехала в Москву, пыталась попасть к Путину — верила, что он не сволочь, еще Медведев потом был, к Медведеву ходила каждый день в приемную. У меня целая гора отписок. Я уже потом поняла, что систему ничем не изменить, только нужно с ней бороться, нужно ломать. Так я в 2011 году, когда начались протесты, вышла, и первый мой плакат — это Путин на плакате считает деньги, и большими буквами написано «За что мои дети бомжи? — Калмыкова И.Л.» и телефонный номер. Он даже есть в книге «Азбука протеста», этот плакат. Это был мой первый плакат.

Сейчас не могу сидеть молча, потому что вижу, что не только я — множество людей попадает в такие ситуации. Вот сейчас в Когалмыме зарплата 20 тысяч — в Сибири, где ничего не растет, болото, засыпанное землей, где Собянин был мэром, где «Лукойл», где должны быть высокие зарплаты... В советское время в Сибири платили северные надбавки, а сейчас северные некому платить — «Лукойл» берет вахтовиков, и берет сейчас даже не российских, а украинских — чтобы не платить северные надбавки, а местным работать негде. Даже на муниципальные предприятия берут уже приезжих, чтобы не платить северные, не предоставлять никаких льгот. Легче же — пускай приезжие выживают хоть как-то, чем ежемесячно платить. Они не потребуют жилья, они не потребуют никаких пособий. Вот такое вот у нас творится.

То есть до того, как произошел этот рейдерский захват, вы от политики были довольно далеки?

— Абсолютно. У меня трое детей, я строила бизнес, я пыталась что-то делать, у меня были гозаказы, я работала день и ночь, думала, как мне растить детей,

построила дом двухэтажный. Абсолютно была далека от политики. А в связи с тем, что со мной это случилось, у меня на нервной почве зубы выпали, у меня сейчас выпадает каждый месяц по зубу — без боли, без крови. Я разучилась бояться, разучилась чувствовать боль — физически, я имею в виду, — я только могу чувствовать боль других людей, потому что сама прошла через эту школу. И поэтому пытаюсь людям объяснить — как бы легче разговаривать с человеком, который испытал это все, чем который понимает, но который сам материально обеспеченный, у него все хорошо. Таким, как я, по-моему, доверия больше у людей, и потому я пытаюсь разговаривать с людьми больше — и выходить.

Уже не скажешь, что «госдеп». Когда мне говорят полицейские «госдеп», я говорю им: если мне «госдеп» платит, я тебе желаю получать столько, сколько получаю я, пожизненно. Потом они замолкают. Один раз даже, когда голодовка была многодетных матерей у «Единой России», и меня забрали, я даже плюнула одному, когда он спросил, сколько тебе заплатили, плюнула ему в лицо, сказала, что он подонок и пожелала получать столько же всю жизнь.

Единственное, что меня пугает, что у меня нет регистрации, и они могут меня в среду закрыть, и я не успею ребенка куда-то отправить или что-то сделать, вот такие мелочи меня пугают, а так я ничего не боюсь.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело Ирины Калмыковой

3 8

Поздравление Надежды Савченко с днем рождения

5 17

Болотная площадь, три года

5 18

Хватит душить малый бизнес!

2 8